

ВОЙЦЫ

ВСПОМИНАЮТ...

Аркадий
ТАЛМАЗОВ,
заслуженный артист
РСФСР

ВОЕВОДА Гдыни давал банкет в честь Победы. Нас пригласили. Целый день мы выступали с концертами. Утром перед моряками Балтийского флота, корабли которых вошли в порт после того, как прекратили борьбу на косе Хиль около семидесяти пяти тысяч гитлеровцев. Выступали в частях, госпиталях.

Артистами становились все. Вместе с нами солдаты и матросы пели песни, вместе с нами танцевали. Обнимались, целовались, качали друг друга.

Не стыдись, плакали.

Еще неизведанное волнение переполняло всех. После концерта на ступеньках гостиницы мы поднялись в номера, чтобы привести себя в порядок перед банкетом.

— Ребята, — кричал кто-то, — ведь безоговорочная, слово-то какое крепкое!

— Смотрите ведите себя достойно, — мой бригадирский менторский тон вызвал радостный, озорной смех.

— Ну, есть-то мы умеем! Дело нехитрое, — шутил танцор Мирон Лопата, лицо его еще носило следы ленинградской блокады, — съедем

ЖЕРТВА ЭТИКЕТА, или День Победы в Гдыне

Аркадий Яновлевич Талмазов с первых дней Великой Отечественной войны был руководителем и актером комсомольско-молодежной фронтовой бригады антеров при Ленинградском ордена Красной Звезды Доме офицеров имени С. М. Кирова, обслуживавшей в дни блокады войска Ленинградского и Волховского фронтов. Вместе с Действующей армией бригада дошла до Гдыни, где встретила День Победы. Ныне заслуженный артист РСФСР Аркадий Талмазов — режиссер, драматург, автор «Клуба ДС».

зашатались, и я схватил их, опасаясь падения. Феи улыбнулись, а я, опустив глаза, увидел свои красно-черные, неоднократно мороженные руки и, смутившись еще больше, дернул их так, что бокалы покатались, звеня.

Феи засмеялись, и одна из них удержала бокалы.

— Мороз, очень сильный мороз, — стонал я, оправдывая заскорузлость своих рук.

Сидевшая напротив красавица, смутившись в свою очередь, перестала смеяться и тихим нежным голосом стала что-то говорить, глядя на подруг.

Из всего сказанного я понял, что мы — коллеги, что справа сидит Зося, а слева Марыся, что говорившую зовут Гануся и она просит пана назвать свое имя. Незадачливый пан назвал свое имя. С непереда-

ваемым очарованием повторив имя пана, Гануся о чем-то попросила. Я не понял. Гануся взглядом показала на стоявшего с поднятым бокалом воеводу, который собирался произнести тост, и взглянула на наш графин.

— Да, да, конечно, — засуетился я, изысканно, как мне казалось, беря графин тремя пальцами, напрягая все силы, чтоб не дай бог, не пролить вино на белоснежную скатерть.

После госта воеводы, прокричав победное «ура», мы выпили. Я — до конца, они — едва пригубив бокалы. «Где же закуска», — поду-

мал я, только сейчас обратив внимание, что на столе, кроме пустых тарелок и выложенных справа и слева многочисленных ножей и вилок, ничего не было. «Интересно, какую вилку нужно брать первой, ту, что ближе к тарелке, или ту, что дальше. Ну, ничего, — успокоил я себя, — как мои феи, так и я».

Мои сетования по поводу собственного невежества в банкетном этикете были прерваны появившейся процессией: каждый человек нес на вытянутых руках огромное блюдо. Впереди шествовал в белоснежной одежде шеф-повар.

«Наконец-то, — возликовало мое нутро, дольствовавшееся целый день утренней чашкой чая, — закусим». Однако лицо мое, подражая лицам дам, сумело стать таким же безразличноравнодушным, когда к

соседке слева подошел официант, склонившись к ней с блюдом.

— Бардзо дзенкую, — сказала она, не поворачивая к официанту головы. То же повторила Гануся. Я заволновался. Если откажется третья, я горю. Брошенный мною лихорадочный взгляд на соседние столы вопрос очередности вилок и ножей не прояснил. В это время третья фея тоже отказалась от предложенного блюда. «Будь что будет, — зло подумал я, — черт с ними, с этими манерными дамочками». И когда официант поднес мне блюдо... отказался!

Нет, не мог я в такой великий день даже в малом быть недостойным его. Блюда следовали за блюдами, дамы по-прежнему отказывались, я тоже. Свои голодные мучения я, жертва этикета, заглушал тайцами. Тут мои мучительницы-феи были неистовыми. С Ганусей мы прошлись в мазурке, с Зосей «отхватили» гопака, с Марысей кружились в вальсе.

Не знаю, может быть, я в конце концов потерял бы последние силы,

но меня спас салют. На улице началось что-то невообразимое. Все, кто имел оружие, салютовали Победе.

Участники банкета ринулись на площадь. Мои феи тоже, я за ними. Но в вестибюле гостиницы я понял, что упаду.

«Сухари», вспомнил я заветный мешочек, который каждый член бригады завел, когда пришел долгожданный конец блокады, и возил неприкосновенным запасом. Влетев в номер, я разорвал мешок и схватил сухарь. Почти не разжевывая, давя зубами, царапая горло, я кусками заглатывал его.

С сухарями в руках я выскочил на площадь. Небо пылало, вихрилось тысячами победных огней. Ноги по щиколотку утопали в отстрелянных угольях. Такой силы огонь я видел на прорыве блокады. Там для нас начался путь к Победе.

— Пан, пан, — услышал я голоса бегущих ко мне фей. Я чуть не подавился, забыв спрятать зажатые в руке сухари. Растерявшись, я протянул их девушкам. Они взяли. Какой же я

услышал хруст! Он заглушал все выстрелы.

— Почему они не ели и не пили на банкете? — попросил я знающего польский язык человека спросить у девушек.

Теперь засмутились они, потом переглянулись и стали смеяться.

Наконец Гануся сказала:

— Мы не вельможные пани, и мамы наши — не принцессы, а платья у нас из театрального гардероба. Когда мы собирались на банкет, мамы нас предупредили, чтобы мы вели себя достойно. А так как мы не знаем, как ведут себя на банкете, мы решили на всякий случай ничего не есть и не пить. А увидев, что вы ничего не едите, поняли, что поступили правильно.

— Правильно, — закричал я, — а ну, пошли назад, пока Мирон Лопата все не прикончил!

Как же мы ели, о!.. И пили тоже. Разве можно было в такой день не выпить!

С наступающим праздником, дорогие друзья, артисты-однополчане! С праздником, милые Гануся, Зося, Марыся!

